

***

Шелковица стучит в домовину,
Никогда теперь точно, увы,
Утончённые пальцы рябины
Не коснутся моей головы.

Солнца луч мне глаза не ослепит,
Не обдует ночной ветерок:
Моя ровная линия смерти
Уже выпила на посошок...

Художник и Бог

Мне доктор поставил диагноз смертельный,
Осталось мне месяц пожить.
О, Боже, за что? И в тоске безраздельной
Я начал по-чёрному пить.

Бутылка стоит на засохшей палитре,
Маслёнка и хлебец ржаной...
Вдруг Он появился, читает молитву
И нимб – над его головой.

Наполнилась светом моя мастерская,
А хмель моментально прошёл.
И трижды крестом себя осеняя,
Челом я ударился в пол.

Подходит ко мне, говорит: «Извините,
Но вот уже 27 лет
Я к вам обращаюсь, как истый ценитель,
Чтоб мой написали портрет.

Однако, вы пишете только великих:
Богему, вождей, королей.
И стал я для вас, к сожаленью, безликим,
Ведь нету у Бога рублей".

И бросился я моментально к мольберту
Ошибку свою исправлять.
Вот, выпало счастье за сутки до смерти
С натуры мне Бога писать.

А дальше картинки как в калейдоскопе:
Бинты, мастихины, скелет,

Снег, скальпель, старуха, болотные топи,
И вдруг вспыхнул солнечный свет!

С тех пор для меня нет мерила в работе,
Как звания, деньги и пост.
Глядит на меня с одобреньем, в киоте
Спаситель, Господь мой и гость.

Настоящее былое

У дороги в ликованьи
Бродит Тополь в телогрейке.
Он с волнительным дыханьем
Ждёт Калину в кацавейке,
Сделать ей в любви признание.

Во свои молодые годы
Клёны бойкие в кафтанах
Вдруг притихли, глаз не сводят,
Как Берёзки в сарафанах
Дивно водят хороводы.

Словно бы лакей придворный
В зипуне Орешник гнётся.
Вечный Дуб в дохе просторной
В рыжу бороду смеётся
Над спиной его покорной.

Там Сирень за старым тыном
Шаль набросивши на плечи,
Слушав трели соловьины,
Неизбежной жаждет встречи
Со стилигюю Жасмином.

Под горой Айва возрастает,
В чухте лебедем ступая.
Перед нею Бук крепчает,
В бурке он орлом летая,
Ей лезгинку исполняет.

Пал пред чудным ароматом
В епанче Каштан, как в топи.
Ох, не знал он, что с закатом
Всею Черёмуха в салопе
Кружит головы ребятам.

Бузина над паутиной
Ворожбою овладела,
Вяжет Ясеню кончину.
Не случилось, горсть созрела –
Жениха спасла Рябина.

Ива голову склонила,
Под платком её седины.
Слёзы в речке схоронила,
Всё горюет о родимых,
Тех, которых так любила.

Сойкины детки

Две сойки в кедровнике свили гнездо
Под кроной густой дерева,
И стало в глазах материнских светло,
Как сойка снесла три яйца.

Спустя две недели под сенью планет
Пробили скорлупки яиц
Два птенчика, вышли на солнечный свет,
Подобие милое птиц.

А в полночь, когда вся уснула семья
Вдруг треснуло третье яйцо,
С шипением выползла дочка-змея
И быстро свернулась в кольцо.

Наутро синхронно два клювика вверх
Тянулись на мамочкин крик.
Букашек глотала змея больше всех,
Раздвоенный тыча язык.

Родителям детки превыше всего
И сойки кормили троих,
Весь день не жалея себя самого
Носили кормёжку для них.

Внезапно слышался грай воронья,
И сердце застыло в груди.
Мать-сойка рванула по курсу жилья,
О, Боже, детей сбереги!

Но сойка спустилась в пустое гнездо,
Пронзила её тишина,
Под деревом кобры блеснуло манто,
И есть не хотела она.

Бывает, что и в человеческой семье,
Когда позабудут Христа,
Теряют людское лицо в чешуе
В угоду его живота.

Душа

Куда меня влечет?
Не чую плоть,
Ни перси [1], ни чела [2], ни боль, ни раны...
Лечу!
Хоть по макушкам колобродь,
Никто не видит,
Может, я в нирване?

А, что тут за гулянье,
Господа?
Вся зала переполнена цветами.
Молчат.
Кто именинник, тамада?
Стоят в вечерних платьях со свечами...

Не все стоят!
Один лежит!
Кутья?
Не уж-то отпеванье? Кто-то умер?
О Боже!
Ведь, усопший [3] это я!
И это потому вы так угрюмы?

Расслабьтесь, улыбнитесь,
Всё путём!
Прожило всё ж немало моё тело.
Мы все когда-нибудь с земли уйдём,
Хотя,
Как быстро время пролетело...

Поправлю венчик [4],
Сяду в гроб к себе.

Ну, как я ненавижу понедельник!
«Явлю ему спасение мое» [5]
Трясёт кадилом
И бубнит священник.

О, сколько здесь
Давно забытых лиц?!
Припёрлись даже вы?
Конечно, здрасьте!
Ристает [6] чёрна бл@дь [7] моих сестриц.
Вы только церемонию не сглазьте!

Рюмашку б сейчас,
С солёным огурцом!
Да, не трави, душа,
Ты мою душу!
Кто выпить мог,
Лежит с закрытым ртом,
Ногами к алтарю
Вот так вот,
Дорогуша!

Промчали быстро
Два прощальных дня.
Сейчас моё там тельце закопают,
Но, это уж, простите,
Без меня!
Меня Господь на небе ожидает!

У веры нет границ и государств,
Одни молитвы мне сейчас помогут!
Мне двадцать уготовано мытарств [8]!
О, если б знала,
Чаще обращалась к Богу!

[1] перси – грудь, груди (старорусское слово)

[2] чело – лоб, голова (старорусское слово)

[3] усопший – умерший человек (старорусское слово)

[4] венчик – в православии бумажная или тканевая лента, полагаемая на лоб умершего при погребении после омовения тела.

[5] явлю ему спасение мое – последняя строка 90 псалма.

[6] ристает – рыщет, рыскает, бегаёт, быстро ходит (старорусское слово)

[7] бл@дь – ложь, обман (старорусское слово)

[8] после смерти душе предстоит пройти через двадцать мытарств – страшных испытаний смертными грехами. Это позволит определить, достойна ли душа попадания в Царство Господне.

Смерть

Надо мною два метра покоя,
Кровь застыла, конкретный дубак,
Да тревожат два «геморроя» -
Ноет зуб и жмёт левый башмак.

Очень твёрдая эта подушка,
И амбре от меня так и прёт
Хрен бы с ним, счас бы хлеба горбушку,
Но заклеили в морге мне рот.

Ну, чего не хоронят в пижаме?
Вот, разрезали сзади пиджак...
Только жалко без денег во храме
Отпевать не пристало бродяг.

Не писали по мне некролога,
Но под пьяные возгласы: «Бис!»
При повторном пришествии Бога,
Помолюсь, чтобы снова спастись.

***

Если я снова рожусь,
Преодолев тысячелетий изгибы,
И в ненастье страны посчитаю за счастье –
Если Бог предоставит мне выбор,
Без колебаний я выберу Русь!